

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

УДК 821.161.1-31.09«19»

В.О. Шаповалова

ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

В статье представлен гендерный анализ романа Солженицына «В круге первом». Герои романа находятся в специальной тюрьме, где заключенные специалисты занимаются разработкой новых секретных технических проектов. Физическая свобода невозможна, но свобода творчества доступна заключенным. Они живут в закрытом мужском мире, в котором нет места женщинам. Жены заключенных представлены в романе как точное отражение идеальных женщин, которые существуют в воображении мужей. Солженицын обращается к гендерным стереотипам: ангельски непорочная девушка и *femme fatale*. Семья и семейные заботы в романе носят негативные коннотации. Братство заключенных самодостаточно. Мужчины берут на себя все традиционно женские работы: починку одежды, стирку, приготовление пищи. Только дети отсутствуют в этом стерильном мире. Интеллектуальные и смелые мужчины создают механизмы и приборы, которые служат только разрушению и уничтожению. В романе возникает почти фантастическая модель стерильного тоталитарного мира. Все страхи и желания героев вызваны полным отсутствием свободы.

А.И. Солженицын; «В круге первом»; гендерные стереотипы; шарашка; тоталитарный мир

Роман Солженицына «В круге первом» появился в самиздате в середине 1960-х годов. Наибольший интерес читателей вызвали темы и детали, которые не могли быть пропущены советской цензурой: исправительно-трудовые лагеря, заключенные, Сталин и его окружение, споры героев о политике. В последующие годы роман анализировали политологи и историки, юристы и литературоведы. Что же осталось за пределами читательского внимания? Что может дать и литературоведам и читателям гендерное прочтение романа?

Исследователи рассматривали «В круге первом» как философский роман с элементами интриги ¹, роман идеологический, роман политический ². Сам Солженицын считал, что попытки определения жанра многопланового романа сужают понимание произведения ³. Несомненно, «В круге первом» основан на личном лагерном опыте автора. В героях романа легко узнаваемы их прототипы ⁴. Именно автобиографизм и биографизм произведения позволяет нам рассматривать «В круге первом» в контексте мужских лагерных мемуаров.

¹ Q.v.: Porter R. The Form of Solzhenitsyn's The First Circle // Trivium. 1975. No. 10. Pp. 9–23.

² Q.v.: Kriza E. Aleksandr Solzhenitsyn: Cold War Icon Gulag Author, Russian Nationalist? // A Study of Western Receptions of his Literary Writings, Historical Interpretations and Political Ideas. Stuttgart Ibidem/Verlag, 2014.

³ См.: Темпест Р. Александр Солженицын (анти-)модернист // Новое литературное обозрение, 2010. № 103. С. 257.

⁴ См. напр.: Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына // Литературное обозрение, 1999. № 1. С. 30–38.

Мужские лагерные мемуары в большинстве своем несут следы самоцензуры: авторы вольно или невольно стараются следовать стереотипу «идеального политзаключенного», который не поддерживает контактов с уголовниками, не сотрудничает с лагерной или тюремной администрацией. В мужских мемуарах чаще всего дается детальная конкретная информация – лагерь, работа, география и т. д. Связи с женщинами упоминаются достаточно редко⁵. Автобиографическая проза дает автору возможность показать в деталях те чувства и переживания героев, которые по различным причинам не отражены в мемуарах.

Обратимся к тексту романа «В круге первом»⁶. Главный герой, Глеб Нержин, находится в специальной тюрьме, где заключенные специалисты занимаются разработкой новых секретных технических проектов. Инженерам и ученым предоставляется и новая аппаратура и, в определенной мере, возможности для творческой работы.

Все заключенные шарашки Марфино заняты творчеством, будь то научные исследования, искусство живописи или мастерская работа по изготовлению технических деталей. Они настолько увлечены работой, что подчас забывают, что они в тюрьме. Свободное время проходит в дружеских беседах и спорах. Заключенные совершенствуются в искусстве устного рассказа: Нержин и Потапов рассказывают историю «Улыбка Будды», а Рубин устраивает литературный суд над князем Игорем. Нержин неумолимо работает над историческими записками, которые он прячет от обысков. Дружеские и товарищеские отношения превалируют между заключенными. Большинство из них – люди духовно сильные и полные собственного достоинства. Несмотря на то, что предательству есть место в шарашке, оно не нарушает атмосферу рыцарства и эгалитарного братства⁷. Название главы «Лицейский стол» говорит об искренней дружбе, таланте, творчестве и молодости. Тюрьма в романе Солженицына представляет собой романтическую тюрьму или, по определению американского литературоведа В. Бромбера, *felix carcer* – «счастливую тюрьму». Заключение в такой тюрьме оборачивается благом, потому что герои осознают свое несовершенство и стремятся к обретению внутренней свободы и к совершенствованию нравственных устоев⁸.

В шарашке работает заключенный художник, Ипполит Кондрашев-Иванов, который должен писать портреты или картины по заказу высокого начальства. В свободное время Кондрашев работает над самой главной своей картиной «Замок Святого Грааля». На картине Парцифаль уже в конце пути стоит перед замком Монсальват. Парцифаль и Замок Святого Грааля связаны с рыцарским подвигом во имя обретения знания и мудрости. В замке Монсальват живут рыцари-монахи, давшие обет celibата. Они свободны от чувственной любви, потому что беды и болезни, постигшие главу братства, принесли женщины. Мир заключенных в шарашке подобен замку Монсальват: мужское братство, в котором нет места женщинам.

Женщины, присутствующие в шарашке, – это вольнонаемные чертежницы и инженеры, но они не занимаются своей профессиональной работой. Симочка и Клара получили высшее образование⁹, но специальность их никогда не интересовала: «девочки садились заниматься – они продирались сквозь эту математику и радиотехнику как сквозь беспонятный безвылазный бор, чуждый их душам»¹⁰. Симочка, инженер по образованию, начитывает слова на пленку. Клара, инженер, делает елочную игрушку. Их некомпетентность в своей специальности принимается как должное. «Он [капитан] кивнул ей идти за собой, а на лестнице спросил: – Вы, конечно, ничего не умеете и ничего не знаете? Клара ответила невнятно. Еще ко всему страху не хватало позора – сейчас разоблачат, что она невежда, и будут над ней смеяться»¹¹.

Лариса Емина, чертежница-копировщица, жена подполковника МВД, не занимается своей работой и откровенно играет роль соблазнительницы. Ее семейная жизнь и отношения с мужем скучны и лишены всякой романтики. Она смотрит на Сологодина с восхищением и плохо

⁵ Воспоминания о лагерных романах встречаются, например, у Анатолия Жигулина. См.: Жигулин А.В., Чёрные камни : автобиографическая повесть. Урановая удочка. Стихотворения. М. : Культура, 1996.

⁶ Все цитаты даются по изданию: Солженицын А.И. В круге первом : роман с 3 доп. автора / ст. и примеч. М. Петровой. М. : Наука, 2006. 809 с.

⁷ Легкий оттенок гомозеротики проскальзывает в разговоре Нержина и Руськи, и у Валентули в постоянном любовании собой, но тема гомосексуализма – табу для Солженицына. В лагерных мемуарах она появляется только в конце 1970-х годов.

⁸ Q.v.: Brombert V. The Romantic Prison. The French Tradition. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1978.

⁹ Не случайно Жорж Нива называет женщин, работающих в шарашке «секретаршами (sic!) и инженерами». Q.v.: Nivat G. "Solzhenitsyn's Different Circles: An Interpretive Essay // Solzhenitsyn in Exile. Critical Essays and Documentary Materials / ed. by J.B. Dunlop, R.S. Haugh, M. Nicholson, Stanford, California : Stanford University ; Hoover Institution Press, 1985. P. 212.

¹⁰ Солженицын А.И. В круге первом. М. : Наука, 2006. С. 30.

¹¹ Там же. С. 262–263.

скрываемым желанием. «Лариса Николаевна продолжала, не отрываясь, смотреть на его лицо, еще и еще раз на его усы, на бородку, на сочные губы. Об эту бородку хотелось уколоться и потереться»¹². Сологдин, придерживающийся жесткой самодисциплины, осознает соблазн и наказывает себя дополнительной работой за каждый взгляд на нее. Казалось бы, что поддаться искушению значило потерпеть поражение в борьбе с самим собой. Сологдин же видит себя победителем. Физическая близость с Ларисой больше похожа на насилие «здесь было отщипание им всем, их клану МВД. Отщипание и обладание, истязание и обладание – они в чем-то сходятся»¹³. Не Лариса соблазняет его, а он становится победителем Ларисы. Мужское либидо делает его героем, а свое падение он видит как успех. «Раз он вышел на зенитную дугу – в тот же миг с извинением даже женщину посылает ему капризная судьба»¹⁴. Нарушение своих же моральных устоев Сологдин воспринимает как победу.

Симочка, в отличие от Ларисы, некрасива: «лицо ее портил слишком удлиненный нос, волосы были почему-то не густы, плохо росли, собирались на затылке в жиденький узелок»¹⁵. Работа ее не увлекает, личная жизнь не удалась: «к двадцати трем годам у неё сложилось, что еще никто за ней не ухаживал, никто не обнимал и не целовал»¹⁶.

Поцелуй Нержина преобразует ее и внешне, и внутренне. Момент их близости Симочка планирует и готовится к нему как к празднику – надевает новое платье, делает прическу. «Она не могла допустить, чтоб этот торжественный высокий момент жизни произошел врасплах, мимоходом»¹⁷. Симочка начинает строить планы на будущее с Нержиным. Слова Нержина о свидании с женой и его отказ от физической близости буквально убивают ее. «Тихий выстрел хрипловатым голосом сразу же попал в цель. Перепелочка уже была убита. Она вся обмякла и ткнулась головой в густой строй радиоламп и конденсаторов трёхкаскадного усилителя»¹⁸. Нержин хорошо понимает, что своим отказом он причиняет ей боль, но инстинктивно он чувствует ее намерение лишить его свободы. «Она поворачивала так, будто у него нет жены. Она обязательно хотела замуж, долгоносенькая!»¹⁹. Нержин уходит от близости с Симочкой не столько из-за верности Наде, сколько от того, что семья только мешает ему в поиске истины, в исполнении задуманного – пройти дорогу познания до конца. Своим отказом от близости Нержин восстанавливает контроль над Симочкой и над собой. Падение Сологодина и воздержание Нержина уравниваются в системе мужских ценностей героев романа.

У заключенных есть жены, которые их ждут и надеются на освобождение мужей. Сологдин, называет свою жену «светлолицой Изольдой с алмазной душой»²⁰ и просит передать ей, что он «любит, преклоняется, боготворит». Почему же Сологдин, убежденный славянофил, который старается не употреблять в речи заимствования из иностранных языков, сравнивает свою жену с Изольдой? Прежде всего, Изольда связана с рыцарством и рыцарским подвигом. Любовь Тристана и Изольды – это экзальтированная и запретная любовь, которая не имеет права на существование в реальном мире. Изольда – жена короля Марка. Институт брака стоит между Тристаном и Изольдой с их сублимированными чувствами. Какую бы роль не выбрал Сологдин, Короля Марка или Тристана, судьба Изольды предрешена – ее ожидает смерть. Любовь Сологодина, как и любовь Тристана и Изольды, существует только в воображении и мечте. Сологдин пишет письма жене, но не может передать их. Эти письма – монолог, который обращен к воображаемой женщине. Сологдин «выражает желание типичного романтического героя – найти свое отражение в своей возлюбленной, ее душу в своей душе, то есть найти своего двойника»²¹. Возлюбленная может обладать любыми чувствами, которыми наделяет ее романтический герой. Не случайно Сологдин говорит: «...я держу ее [sic!] двенадцать лет»²².

Надя, жена Глеба Нержина, почти достигает статуса «светлолицой Изольды». Солженицын не дает полного портрета Нади. Читатель видит только фрагменты (всегда уменьшительные) шубка, шапочка, кофточка. Нержин замечает «грудь, уныло опавшую за эти годы»²³. Надя везде

¹² Там же. С. 191.

¹³ Солженицын А.И. В круге первом. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 33.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 535.

¹⁸ Там же. С. 540.

¹⁹ Там же. С. 61.

²⁰ Там же. С. 230.

²¹ Mellor A.K. *Romanticism and Gender*. New York ; London : Routledge : Chapman and Hall, 1993. С. 52.

²² Солженицын А.И. В круге первом. С. 193.

²³ Там же. С. 225.

следует за мужем: едет к нему на фронт, после ареста Нержина с большими трудностями переезжает в Москву, чтобы быть рядом с ним. Стоя в толпе родственников возле тюрьмы Надя ищет его глазами и выкрикивает его имя, но Нержин настолько занят разговором с другим заключенным, что не обращает внимания ни на толпу родственников, ни на Надю. Именно в то время, когда Нержин хочет получить свидание, Надя нарушает правила МГБ и получает внеочередное свидание с мужем. Когда Надя просит Нержина о фиктивном разводе (он нужен ей для получения работы), она, сама того не зная, делает то, что хотел Нержин: задолго до свидания он решил порвать связи с внешним миром, чтобы ничто не удерживало его на пути познания. Надя, будучи его вторым «я», просит о разводе. Таким образом, инициатор развода – она, и моральная вина за то, что она оставляет заключенного Нержина, полностью лежит на ней.

Жены заключенных вносят беспокойство и разлад в жизнь героев романа. Они не принадлежат к кругу избранных, им неведомы ни мотивы, ни причины поведения мужей. Женщины чувствуют отчужденность от своих мужей, непонимание постоянной борьбы жен врагов народа за выживание. Во время свидания в Лефортово Надя замечает, что «этому человеку идет быть в тюрьме. Но такой ореол не приближал его к ней. Отчуждал. Он так же самонадеянно улыбался, как тогда на Красной Пресне! Он всегда был полон, никогда не нуждался ни в чьем сочувствии. На голой маленькой табуретке ему даже, кажется, и сиделось удобно, он как будто с удовольствием поглядывал вокруг, собирая и тут материалы для истории. Он выглядел здоровым, глаза его искрились насмешкой над тюремщиками. Нужна ли была ему вообще преданность женщины?»²⁴.

Наталья, жена заключенного физика Иллариона Герасимовича, не замечает на лице мужа никаких следов тяжелой лагерной и тюремной жизни. Он хорошо выглядит, чисто и даже красиво одет. Можно было подумать, что не он, а она сидела в тюрьме. «И первая ее недобрая мысль была, что ему в спецтюрьме прекрасно живется, конечно, он не знает гонений, занимается своей наукой, совсем он не думает о страданиях жены»²⁵. Первое, что замечает Илларион на свидании, – как плохо выглядит его жена «глаза подведены впальцами ободками, у глаз и губ – морщины, кожа лица – дряблая, Наташа совсем уже не следила за ней»²⁶.

Наталья Герасимович – второе «я» своего мужа. У них одинаковые отчества. Даже внешне они похожи и их часто принимают за брата и сестру. «Было в них то счастливое внешнее и внутреннее сходство, которое делает мужа и жену больше, чем супругами»²⁷. Они вместе проходят ссылку, вместе выживают в блокадном Ленинграде. В тот момент, когда измученная Наталья просит мужа спасти ее жизнь – получить раннее освобождение, он, повинувшись высоким моральным принципам, отказывает ей в просьбе и обрекает ее на гибель.

Женщины, не возвышенные до уровня Изольд с алмазными душами, опасны и несут гибель. Дотнара, жена Иннокентия Володина, искусительница и соблазнительница. Жизнь ее направлена на удовлетворение своих материальных и сексуальных желаний. Несмотря на то, что Иннокентий знает об изменах Дотнары, она, по словам Солженицына, «вонзилась в него»²⁸. В последний день перед арестом Дотнара «еще гибельней его к себе тянула»²⁹. Ведь именно телефонный разговор с Дотнаркой ведет к опознанию Иннокентия. Именно Дотнара настаивает на том, чтобы Иннокентий ответил генералу на телефонный звонок, который был частью плана по аресту Володина.

Когда женщины принимают участие в разговорах мужчин, они выглядят нелепо и гротескно. Динэра не присоединяется к разговорам женщин о домоводстве и здоровье, вступает в разговор мужчин о литературе и театре. Вопросы и суждения Динэры о литературе и театре могли бы стать частью дискуссии в шарашке, но Солженицын преуменьшает ее интеллектуальные способности замечанием: «Смелость ее суждений, сочетаясь со смелостью туалетов и смелостью всем известной биографии, очень к ней шла...»³⁰. Увлечение Динэры литературой вызывает сарказм автора: «[она] болтала ножками на диване и перечитывала мировую литературу от Гомера до Фаррера»³¹ и получала двойки по математике.

Динэра сменила трех мужей, она красива, достаточно образована и независима в своих суждениях. Основной же характеристикой Динэры становится ее соблазнительная красота, в

²⁴ Там же. С. 230.

²⁵ Там же. С. 233.

²⁶ Там же. С. 232.

²⁷ Там же. С. 234.

²⁸ Глагол «вонзиться» вызывает ассоциации с болью, невозможностью избавиться от нее и даже со смертью.

²⁹ Солженицын А.И. В круге первом. С. 429.

³⁰ Там же. С. 391.

³¹ Там же. С. 242.

которой есть что-то змеиное: «вся в импортном черном шелке “лакэ”, только алебастровые руки вырывались выше локтя из этой лакированной блестящей как бы кожи»³². Динэру слушают и спорят с ней только потому, что хотят использовать ее связи в литературном мире или просто флиртуют с красивой женщиной.

Кларе, младшей дочери прокурора Макарыгина, двадцать четыре года, и «пришла ее последняя пора, и именно нынешняя, только сейчас. Наступило ее предельное созревание, и если сейчас упустить, то дальше будет старее, хуже или ничего»³³. Для героев романа главная цель жизни женщины – замужество. Вся семья прокурора озабочена будущим Клары. Даже друг семьи, генерал Славута, дает советы Макарыгину относительно удачного замужества Клары. Специально для нее приглашают на вечеринку подающего надежды литературного критика, кандидата в Союз писателей. Для нее же приглашен и Виталий, «государственный молодой человек». Из разговоров Дотнары с приемной матерью Клара знала о семейных неурядицах старшей сестры и понимала, что для счастья надо быть вторым «я» мужа, его тенью, любить его работу, его взгляды на жизнь, даже если они меняются на совершенно противоположные.

Женщины в романе не причастны к творческим процессам. Надя, жена Нержина, живет в общежитии в комнате для аспиранток. Большинство аспиранток приехало в Москву для того, чтобы выйти замуж. Занятия в аспирантуре – лишь предлог для получения временной прописки в Москве. Девушки мучаются над диссертациями, которые не имеют ни практического, ни научного значения – «Проблемы общественного питания при социализме», «Русский политэконом XIX века Стужайла-Олябышкин». Тема Надиной диссертации даже не упоминается. Надя приехала в Москву, чтобы быть рядом с мужем. Даша, соседка Нади по комнате, поступила в университет только для получения московской прописки. «Но вот уж ей было много лет, училась она восемнадцать кряду, надоело ей учиться до ломоты в голове, – а зачем она училась?»³⁴.

Аспирантки заняты переписыванием диссертаций в соответствии новым решением и постановлениям КПСС или чисто техническими проблемами перепечатывания текстов. Наука и чтение их не занимают. Когда девушки узнают о том, что им выделены дополнительные деньги на книги, Оленька, не задумываясь, решает на эти деньги сшить платье «гранатовое, креп-жоржетовое с двойными воланами»³⁵. Каждая аспирантка старается так или иначе «поймать» мужчину и все детально обсуждают приемы знакомств. Удача – это познакомиться с неженатым молодым человеком. Даша жалеет о том, что отвергла буфетчика – «здорового сильного мужчину»³⁶.

Образование – помеха для замужества, и девушки хорошо понимают свою «неполноценность»: «ученая баба – страх для мужчин»³⁷. Истеричная, скандальная обстановка в женском общежитии резко контрастирует с атмосферой братства, духовности и философской мысли среди заключенных мужчин в шарашке. Женщины в комнате завидуют друг другу, сплетничают, устраивают скандалы. Американский славист Б. Хелдт называет это состояние «яростью подавленного полового влечения к мужчине».³⁸ Самое страшное для женщин в общежитии – не найти мужа, и худшим оскорблением звучат слова «старая дева».

Если женщины неспособны к науке и творчеству, стремятся к замужеству и созданию семьи, то именно семья и семейная жизнь с патриархальным укладом, должны быть идеалом для героев романа. Носитель наивысшей народной правды, Спиридон, считает, что семья – это начало и конец мироздания. Однако в романе и женское умение вести хозяйство, и полноценная семья носят отрицательные коннотации. Алевтина Макарыгина, жена прокурора, занимается только домашним хозяйством и воспитанием падчериц, которые считают ее своей матерью. «Она нерушимо знала, что не может процветать хорошая семья без хорошей кухни, без добротного, обильного столового и постельного белья»³⁹. Круг ее интересов ограничивается домом, ее не занимают ни политика, ни идеология. Ей даже в голову не приходит обсуждать взгляды мужа на политику. Алевтину занимают только вопросы хозяйства и здоровья. Хорошо понимая положение мужа в обществе, она поддерживает социальный статус семьи. Алевтина любит приемных дочерей,

³² Там же. С. 391.

³³ Там же. С. 397.

³⁴ Солженицын А.И. В круге первом. С. 295.

³⁵ Там же. С. 300.

³⁶ Там же. С. 305.

³⁷ Там же. С. 294.

³⁸ Heldt B. *Terrible Perfection. Women and Russian Literature*. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1987. С. 62.

³⁹ Солженицын А.И. В круге первом. С. 376.

следит за их образованием, делает все, для того, чтобы дочери были счастливы. Несмотря на вспыливающие споры Клары с отцом, семья живет дружно. Старшие сестры заботятся о Кларе.

Алевтина со всеми добродетелями идеальной жены представляет в романе институт семьи и брака. Солженицын показывает только внешнюю, официальную сторону жизни семьи прокурора. Читатель видит, как семья выглядит со стороны. Алевтина и прокурор – люди среднего возраста. Для Солженицына не важно, где и как познакомились эти герои, что общего между ними. Читатель ничего не знает об их совместной жизни. Более того, ни в одном эпизоде романа они даже не разговаривают друг с другом. В доме Алевтина обладает полной властью над всеми деталями и мелочами быта. Ей свойственна «та цепкая женская забота, которая делает семью семьей и поддерживает род человеческий»⁴⁰.

Именно от этой цепкой заботы и семейных уз хотят быть свободными заключенные шарашки. Материализм семейной жизни мешает творчеству и угнетает творцов. У Нержина и Нади нет детей, Сологдин никогда не видел своего сына, ему легче оставить женщину ради свободы поиска, чем родителей или детей. Надя как второе «я» Нержина не принесла ничего съестного на свидание для мужа – только легкое печенье «хворост» («как мама делала»). Надя не упоминает о том, что она сама пекла печенье из остатков муки и масла. Это печенье – не еда, в нем заключается напоминание не о жене, а о маме. Глядя на женщин с корзинками и пакетами еды, Надя думает: «Как это оскорбительно обыденно, жалко разменивать великие мгновения! Неужели женщинам не приходило в голову задуматься лучше – а кто смел заточить их мужей?»⁴¹. Семья принадлежит миру материальному, с которым у заключенных нет ничего общего.

Для героев Солженицына семья накладывает на женщин обязательство верности мужу. Мужья же остаются совершенно свободными. Супружеская верность становится темой разговоров в шарашке. Все обсуждающие приходят к одному выводу: «что жене простить измену нельзя, а мужу можно»⁴².

В романе есть идеальная женщина – вечно молодая, вечно целомудренная, без тени чувственного начала. Агния, воплощение чистоты и первая любовь Яконова, живет только в его памяти. Эту идеальную женщину мы видим глазами героя мужчины. Агния красива той красотой, которую трудно поймать и удержать в памяти: «Лицо ее часто преображалось: то в миловидной улыбке, то в непривлекательной вытянутости. Роста она была выше среднего, но узка, хрупка, а походка – такая легкая, будто Агния вовсе не нуждалась наступать на землю»⁴³. В этом кажущемся противоречивым портрете видится невозможность найти слова для передачи иконописного образа Приснодевы. Агния находится в полном согласии с природой и учится у природы, но литературные описания природы ей мешают, стоят между ней и природой. Плотская любовь ее пугает. «Она боялась тех тайн, которые связывают мужчину и женщину в супружестве, и упавшим голосом спрашивала у него: “А без этого нельзя?”»⁴⁴ Земное будущее для нее невозможно, перед ней только одна дорога – страдание и уход в вечный покой, недоступный никому из героев романа. Агния не только воплощает высшую духовную красоту, она подтверждает одну из основных мыслей романа: «А что может женщина вообще? <...> Женщина только и способна отвращать мужчину от великих поступков»⁴⁵.

Что же ищут герои и к чему стремятся заключенные в шарашке? Главная цель заключенных – выжить в тюрьме, не потерять достоинство, а самое затаенное желание – найти справедливость. Братство заключенных вполне самодостаточно. Мужчины берут на себя все традиционно женские работы: починку одежды, стирку, приготовление еды. Единственная функция недоступная героям – это деторждение. Мир романа – стерильный мир, в нем нет детей и родителей. Интеллектуальные и смелые мужчины создают только механизмы и приборы, которые, в конце концов, приведут к уничтожению людей. Интересно, что заключенные не связывают свои мечты с выходом из тюрьмы и возвращением к семье или родным⁴⁶. Конечно, можно рассматривать «В круге первом» как один из романов XIX века в «рамках реализма, где героини являются отражением мужского сознания»⁴⁷. В то же время Солженицын часто переходит эти границы реализма и создает знакомую и фантастическую модель тоталитарного стерильного общества, где главные герои существуют в

⁴⁰ Там же. С. 221.

⁴¹ Солженицын А.И. В круге первом. С. 221.

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ Там же. С. 137.

⁴⁴ Там же. С. 138.

⁴⁵ Там же. С. 141.

⁴⁶ Мечта о возвращении домой характерна для мужских и женских мемуаров о Гулаге.

⁴⁷ Heldt B. Terrible Perfection. Women and Russian Literature. P. 43.

некоем мужском Эдеме. Герои – порождения тоталитарной системы, где их желания и страхи вызваны и мотивированы полным отсутствием свободы. Немецкий социолог и писатель К. Тевелайт в работе «Мужские фантазии» отметил, что в тоталитарном обществе «правитель – единственный, кто может пользоваться своим телом как ему заблагорассудится. <...> Для всех остальных отсутствие власти у общества совпадает с отсутствием власти над своим телом. Тело должно быть источником страха. И, если какие-либо части тела объявлены запретными, то легко уверить людей в том, какие страшные беды несут они»⁴⁸.

Герои романа «В круге первом» не могут выйти из подавленных чувств, эмоций и инстинктов, из круга запретов и стереотипов. Они бесстрашно борются с ними или ищут убежища от этих «страшных запретов» в «мужском раю».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев, Л. Поэзия и правда у Солженицына [Текст] // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 30–38.
2. Солженицын, А.И. В круге первом [Текст] : роман с 3 допол. автора / ст. и примеч. М. Петровой. – М. : Наука, 2006. – 809 с.
3. Темпест, Р. Александр Солженицын (анти-)модернист [Текст] // Новое литературное обозрение, 2010. – № 103. – С. 246–263.
4. Brombert, V. The Romantic Prison. The French Tradition [Текст]. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1978. – 253 p.
5. Heldt, B. Terrible Perfection. Women and Russian Literature [Text]. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987. – 192 p.
6. Kriza, E. Aleksandr Solzhenitsyn: Cold War Icon Gulag Author, Russian Nationalist? [Text] // A Study of Western Receptions of his Literary Writings, Historical Interpretations and Political Ideas. Stuttgart ; Ibidem/Verlag, 2014. – 312 p.
7. Mellor, A.K. Romanticism and Gender [Text]. – New York ; London : Routledge : Chapman and Hall, 1993.
8. Nivat, G. “Solzhenitsyn’s Different Circles: An Interpretive Essay” [Text] // Solzhenitsyn in Exile. Critical Essays and Documentary Materials / ed. by John B. Dunlop, Richard S. Haugh, Michael Nicholson. – Stanford, California : Stanford University : Hoover Institution Press, 1985. – 414 p.
9. Porter, R. The Form of Solzhenitsyn’s The First Circle [Text] // Trivium. – 1975. – No. 10. – Pp. 9–23.
10. Theweleit, K. Male Fantasies [Text]. – Vol. 1. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1987. – 544 p.

REFERENCES

1. Losev, L. Poehziya i pravda u Solzhenicyna [Text] // Literaturnoe obozrenie. – 1999. – No. 1. – S. 30–38.
2. Solzhenicyn, A.I. V krugu pervom [Text] : roman s 3 dopol. avtora / st. i primech. M. Petrovoj. – M. : Nauka, 2006. – 809 s.
3. Tempest, R. Aleksandr Solzhenicyn (anti-)modernist [Text] // Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – No. 103. – S. 246–263.
4. Brombert, V. The Romantic Prison. The French Tradition [Text]. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1978. – 253 p.
5. Heldt, B. Terrible Perfection. Women and Russian Literature [Text]. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987. – 192 p.
6. Kriza, E. Aleksandr Solzhenitsyn: Cold War Icon Gulag Author, Russian Nationalist? [Text] // A Study of Western Receptions of his Literary Writings, Historical Interpretations and Political Ideas. Stuttgart ; Ibidem/Verlag, 2014. – 312 p.
7. Mellor, A.K. Romanticism and Gender [Text]. – New York ; London : Routledge : Chapman and Hall, 1993.
8. Nivat, G. “Solzhenitsyn’s Different Circles: An Interpretive Essay” [Text] // Solzhenitsyn in Exile. Critical Essays and Documentary Materials / ed. by John B. Dunlop, Richard S. Haugh, Michael Nicholson. – Stanford, California : Stanford University : Hoover Institution Press, 1985. – 414 p.
9. Porter, R. The Form of Solzhenitsyn’s The First Circle [Text] // Trivium. – 1975. – No. 10. – Pp. 9–23.
10. Theweleit, K. Male Fantasies [Text]. – Vol. 1. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1987. – 544 p.

⁴⁸ Theweleit K., Male Fantasies. Vol. 1. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1987. Pp. 414–415.

V.O. Shapovalova

**ANALYZING A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL "IN THE FIRST CIRCLE"
THROUGH THE PRISM OF GENDER**

The article analyzes A.I. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle" through the prism of gender. The characters of the novel are serving their sentence in a special prison where prisoners develop new top-secret technical projects. Being physically restrained, they have total creative freedom. They live in a single-gender world, where there are no women. Prisoners' wives are presented in the novel as ideal female images in their husbands' minds. A.I. Solzhenitsyn employs the motifs of angelic maidens and femmes fatales. The images of family and family routine are impregnated with negative connotations. Prisoners' brotherhood is self-sufficient. Men perform traditionally female tasks, such as mending clothing, washing, cooking. Children are totally absent from this sterile world. Intelligent and strong males create mechanisms and tools whose main function is to ruin and destroy. The novel describes a semi-fantastic model of a sterile totalitarian world. The characters' fears, anxieties and desires are provoked by a total lack of freedom.

A.I. Solzhenitsyn; In the First Circle; gender stereotypes; Experimental Design Bureau (commonly known as sharashka); totalitarian world